

Изяслав Винтерман

ТАЙНА-ТАУН

ДИПТИХ

Сухость

Я иду искать,
где подъем и скат,
горы и моря –
слов не говоря.

В толщине песка,
в приступах воды –
я иду искать –
жди, не уходи.

Выжгла всё слеза –
с неба на леса.
Весь собрав песок,
кто кого спасет?..

Влажность

Если нет тебя нигде,
я иду искать
в неразбавленной воде,
в глубине песка.

Заблестит дождем на взмах
красная листва.
Натяну по шею страх,
схоронюсь в слова.

Жизни ватное пальто,
по лопаткам пот.
Если нет меня – никто
больше не найдет.

ПРОФИЛИ

1.

Осени свободное паденье.
Судорога жизни впереди.
И к лицу другое поведенье
после неба, солнца и воды.

Сухость! И не скажешь: дни *разлиты* –
но они разлиты! – Лей, не лей.
Сбросив листья, облепили липы,
тормозя движение аллей.

И зима не ждет, как перспектива –
выжить, руководство: *как и где...*
Обойти квартал, купить два пива,
сплунуть, и себя вернуть воде.

2.

Точно время навели на резкость:
день особой четкости оправа.
Осени горячая нарезка,
старой лжи под острою приправой.

Нападает спереди и с тыла,
притворяясь девочкой на шаре.
Вот она всех лишних отпустила,
окунула в боль, дождем ошпарив.

Я об дно ударился, об воду,
красные на дне сваляв опилки.
Солью облака по небосводу
до ближайшей гибельной развилки.

3.

Осень – дни благодаренья –
каждому по семь плодов.
Я не сыт со дня творенья
тыщей тысяч голодов.

Мирный день, без шума лишнего,
день любимых – сколько их...
Если всё в руках Всевышнего –
то пусть будет и в моих.

Кукурузой или тыквой
жизнь и мир благословлю –
колыбельной и Атіквой*...
Всех не помню, но люблю.

---

*Атіква (ивр. «надежда») – гимн Израиля.

***

Жизнь – варенье со слезами –
тонкий слой на сохлый хлеб.
Время падает за нами
на колени – старый лев.

Но не выпросит прощенье,
воскресив кого-нибудь.
Крошит листья, как печенье,
и по крошкам ищет путь.

Только жизни паранойя,
лихорадка светодня –
чтобы выжили, не ноя,
не оглядываясь на

ветром смазанное небо,
весь в разрывах белый дым,
где нависли слезы недо-
плаканные по родным.

***

«Наплачь обо мне реку»

Всё изменилось дико.
В ту же заходишь воду –
за́ ночь сменили воду –
острою стала – гляди-ка –
красно-зеленой с... аджикой –
и не радуется. Выбери цвет сама:
близкий тебе и другому.
Прислушайся к самому дальнему грому
на страницах письма –
Перекрасили всё – на раз, два.
А вода? – Вот она! Вроде,
лилась, а теперь тверже горной породы,
об нее разобьются слова.

***

Сейчас не до оттенков серого,
где белое всё перечеркнуто.
И где от юга и до севера –
всё больше черного.

Всё больше черного и красного,
всё меньше белого –
накроет нас пробитой каскою
и нас – как не́ было.

***

Жизнь прекрасна, как снилась, –
с площадью Преображенской,
с миллионом малиновок в парке,
красотою женской.
Я целовал всех людей, чтобы сбылось.
Слезы, как искры от сварки,
не обжигали ни губы, ни щеки.
Боль водой выходила,
воздухом порванным нас засыпало.
Когда засыпали от шока –
боль землей выходила.

***

Меж временем, что спешит и отстает,
успевает пройти вся жизнь за дней, может, семь.
Мои часы показывают лишь год...
Каждый дождь мельче, а этот мёлок совсем.

Как будто не осень его родила, а заброшенный парк.
Не четкая линия, не отлаженные весы.
Любви второе дыхание окутывает, как пар –
до следующего дня – до следующей весны!

***

Сотню, но шестидневных воен,
а на седьмой надо к богу нам.
Спалит солнце над головою
и прилипнем землей к ногам –

карму свою насовсем испортив,
сбив божественный ориентир.
Для спасенья второго сорта –
второсортный годится мир!

Скачут всадники тьмы и света
от одной до другой войны.
Суета всё, но зря не сетуй –
доказательства все верны.

***

В дом с разбитыми углами,
стекло крошкой под ногой –
загляну глазами-нулями,
округленными темнотой.

В нем выстужены ветром комнаты –
и мертвецкие не нужны.
Тени, как понятые, подняты,
лжесвидетельствовать должны.

Без улыбочек в доме блочном
в прошлом, да, и в любом году.
Жизнь выкатывает в бочках
откровения на ходу.

И кривит наше время жутко
мелкой зыбью до тошноты
в нескончаемом промежутке
между блоками темноты.

***

День в туче лампочку включил,
окантовал закат.
В ней двести ватт как три свечи,
ну, максимально, пять.

Вот вырвался бы свет из глаз,
из покрасневших щек
дневную дозой слов и ласк –
сменился бы и счет.

Дневную дозу теплоты,
ночную доброты –
монетой той же оплаты
и вспять всё обрати.

Свет выключи, налей воды,
сожми в руке свечу.
Не зажигай, а только жди
еще чуть-чуть, чуть-чу...

***

Все линии вдруг стянутся к одной,
соединятся в непредвзятой точке.
И жизнь, и смерть стоят на проходной –
я предъявляю пропуск на листочке.

Печать затерта, ФИО не мое,
и фото, в самом деле, непохоже.
Но пропускают просьбы и нытье:
что без меня никак... Со мною – тоже!

Любовь и смерть, случайный выходной.
Каникулы... Масштаб не так, чтоб очень
считать себя здесь важным, но в одной
сойдемся точке, чтоб масштаб стал точен.

И страсти все, что стянуты узлом,
и смыслы, что не слишком-то активны,
соединят во времени сквозном
и обстреляют нас тяжелым ливнем.

Мы упадем друг в друга навсегда...
Пусть времени невидимое сердце
стучит сильнее, чем зрелая вода
свинцовых туч – уже не отвертеться.

И всё, что по отдельности здесь шло,
подводит нас рассчитано к печали.
И ничего, что побеждает зло,
так и должно быть, чтобы всё с начала.

Чтоб небо снова падало на нас,
а мы тянулись, вставши на носочки.
Сойдется всё... Всё сходится сейчас –
в, бог знает налитой чем, жирной точке.

***

Дождь стучит о консервные банки машин,
ловит в сети свободные сельди.
Их глаза на затылке – не надо причин –
перекошены взглядом последним.

Срок их годности грязной итожат водой,
мрачным временем... Выбор был жуток...
Время после войны или перед войной,
не жестокий его промежуток.

...Мы прозрачны, мы больше уже не видны
или были всегда невидимки.
И смываются смыслы осколками, дни,
превращаясь в стеклянную дымку.

***

Вытянут мост из тумана
нитью суровой двойною –
не оправдаться войною,
ржавой водою из крана –
что не дотянут до края.

Не оправдаться – зимою,
что началась слишком рано.
И не добраться до рая
даже мостом над землею
перелопачено-рваной.

МАРШРУТ 69

И дом не кажется сумасшедшим –
уже не кажется, раньше – да!
Автобус полон. Хасид забредший
в молитву, думающий: куда
всё катится... Просто мы едем вместе
под вóду или на облака...
Но где же, боже, тот самый вестник?
Спроси в молитве, кончай болтать.

А дни, как мраморные ступени –
то в небо, то на сухое дно.
Хотя всё это второстепенно...
Спроси: что важно и где оно.
Спроси, не думая и не плача,
зачем мы?.. Жить это так грешно.
...Автобус едет, проезд оплачен
грошовой жизнью, и – хорошо...

УГЛЫ

1.

Интересны лишь неровные линии,
сумма углов триста шестьдесят,
цветá, которыми время заклинили,
чтоб выбыл последний снов адресат.

Сирены сыграют рассвет и закат.
Ночи подступят самые длинные.
Во всех направлениях света зажат,
веду свою линию

во всю ширину листа.
День не закончится, ночь не закончится.
Комкаю лист, сжигаю, развеиваю с моста,
линия даже не корчится.

2.

Ради одного всё было слова,
ради четких градусов углов.
Вынимали и вставляли снова
души в заготовки без голов.

Разрывали темные начала,
складывали светлые во тьму.
И огнем, горящим вполнакала,
выжигали сердце как тату.

Под лоскутным грелись одеялом:
света с тьмой. Луна стоит колом.
И от страха так похолодало,
что от стен неровных веет злом.

Свет пугливый раненою птичкой.
Тень вросла, я чувствую спиной.
Встать, умыться, отхлебнуть водички,
и расслышать песни за стеной.

Обмывают Големы там сделку,
выход свой в колеблющийся свет.
Выжженое сердце слишком мелко,
и еще сжимается в ответ.

***

Вот, значит, как закончится оно?..
Счет будет не на годы, а часы,
на мелкие осколки от всего,
моменты, от которых не уйти.

Сочащиеся вечностью слова
намного быстротечнее воды.
И в следующей жизни нет меня,
и в предстоящем нет моей вины.

Там наизнанку вывернутый свет
и порванной подкладкою земля.
Наждачный воздух прошлым не согрет,
невидимая моет всё волна.

***

Может, сдерживая крик –
двигать дальше?
Эту жизнь и материк
(силы дай же) –
разрывающий – слова,
рот и память,
потопляя острова...

Нет подушки для всего,
чтобы плакать
сто веков. На сто шагов
силы дай же –
в боли плавать
с открытыми ртами.
Не удерживая крик в себе даже.

***

Между двух, и трех, и десятком воен –
пить, любить, уходить в никуда, как воин.

Прищемив улыбку до крови десен,
боль слезами не вывести в эту осень. –

Не кончается белым щадящим флагом,
шелестящей, цинковой фольгой.

Проверяя жив ли, лягнет ногою –
зимний ветер, когда я на землю лягу.

Жив ли? Или застрял здесь между
воен, зим, и много еще чего там...

Успокоить всех, подарить надежду:
что в две тысячи девятьсот сорок пятом...

***

Зима, война... Я заново рожденный.
Воскресший для семьи и для врагов.
Немного еретик и убежденный
исследователь тающих снегов.

Под ними неопознанные кости –
и наши и не выживших до нас.
Нам было то бессмысленно и просто,
то так же тяжело. И снег не спас.

Война не сохранила в нас желанья.
И пытка не закончилась с тех пор.
Речь о душе, а не о выживанье,
вознесшейся с одной из ближних гор.

***

Не живу в провинции у моря.
Повторяю прошлую ошибку:
выхожу из дома с кислой мордой
на пробежку будто на прошивку.

Прихватив собаку с белой грудкой,
бросив нехорошую квартиру.
Ночью постучат – пустая.., дудки...
Песик оставляет ориентиры.

Подберу никнейм себе покруче,
заменю лицо на аватарке.
С богом!.. И со всем, что есть, до кучи,
даже с тенью брошенной овчарки –

многому навстречу выйду голым,
выразив респект провинциальный.
Но кому в пустыне? – Жги глаголом,
аватар мой провиденциальный.

***

Белым подуй песочком –
с западного на восточное...
Ветра побудь богиней.

Времени воды сточные
над суеты кусочком,
вымерзшего пустыней.

Заметет побережье.
Море – серым на синем,
(свет разминает глину) –

кляксовато, небрежно.
Может, в него и скинут...
Может быть, так и сгину...

***

Полюби меня снова
и опять навсегда.
Пусть от каждого слова
обновится вода –

переходом земного
в небо – белым кустом.
Я прошу слишком много,
чтоб вернулось потом

снега пухом гусиным,
льдом, держащим его.
Для тебя – всё пустыня.
Так начни с ничего.

***

К нам елочник пришел поставить елку.
Верхушкой – слеза.
Стекольщик был – в окне заделал щелку –
снежок остался за...

Внутри тепло – ни города, ни леса,
добра и зла...
Но искрой снега в эйфории блеска –
горит слеза.

***

Я ли, теряющий смысл по сто раз на дню,
бегством из той темноты, что командует днями?
Небо с землей тайно сходятся в точку одну –
может быть в ней солнце ярче взорвется над нами.

Выбор – не наш! Отрицанье двойное всегда –
наверняка чтобы – выбор не сильно изменит.
Вот я бегу от всего, что позвало сюда,
вот я скучаю по снегу, а по зиме – нет...

***

Стала дорога уже.
Лес её жадно ест.
Передавая ужас,
птицы сорвались с мест.

Черный, сливаясь с синим –
валящий с неба дым.
Обморок легкий скинем,
сердце заохладим,

чтобы уйти до встречи,
не провожать назад.
Будто провалом речи
что-то в конце сказать.

***

Мы связаны тайным с тобой языком
и сна половиной – давно посмотрели.
От взрыва до взрыва бегом и ползком.
От страсти до страсти – душою без тела.

От взрыва до взрыва – в моем и твоём,
нагретом избытком желаний сознание,
как будто не тот мы вопрос задаем –
собой оставайся, мое ты создание.

Пусть слезы невидимы, если и есть.
И сон мы досмотрим (есть время), конечно.
Пусть жирный поставят на времени крест,
но я в нём ого был и ты была нечто.

***

За столом прощаясь, чтоб напиться.
В темноте – все взгляды УВЧ...
Побыстрее посмотри на лица.
Закруглись на гаснущей свече.

Мы здесь собрались, чтобы расстаться.
Слезы, что не могут стать дождем, –
в рюмках столько раз по капель двадцать,
что чужим становится мне дом.

Или мы чужие... дом не важен... –
снегом рассыпается в конце –
мир, который был многоэтажен –
просто капли света на лице.

***

Как леденец, проскальзывает вниз –
(такое прощенье для пищеваренья) –
стихотворенье, созданное из
слепой любви и дней благодаренья.

Немолотого времени возня,
наждачная среда для тонкой кожи,
такое создают внутри меня:
на два небытия хватило б тоже.

Откуда же возьмется, черт возьми,
что облегчит всю тяжесть, – пониманье
бессмысленности выбранной возни –
при всём желанье жить., при всём желанье...

***

Небо в защитной сетке немного рваной,
в кляксах белесых – ветер сюда сволок.
Пеною серой, лежа в холодной ванной,
я отгонял нависающий потолок.

Крепче сожму в руке оголенный провод,
глядя в себя назад и в себя вперед.
Может, придумав и недостойный повод
время тянуть... Смерть и не таких берет:

душит и душит – это же лучший довод –
жить – будь из нежных я или твердых глин.
Дернутся руки, ноги... В мозгу бредово:
небо под током – бог его оголил...

ДИПТИХ

1.

Человек нарушает порядок вещей
от любви, точно от алкоголя.
Прародитель и мой (аномалии всей) –
тонкокожих (отряд яркоголых).

Если бог и задумал его тем, кто *он* –
он им будет на каждом этапе.
Но сначала – он воздуха сгусток, планктон,
и дорожка сбегаящих капель;

И холодная, как в паутине, листва
вся в пыли – так по замыслу бога –
за века, что прошли, а точнее, за полста
лет прощений себя, что не много...

Или – невыразимое с каменным ртом,
что любить ещё будет и может.
Но он тот же, который явился потом,
став как все мы из крови и кожи.

2.

Человек выбирает порядок вещей,
берег речки крутой – не теченье.
Это весь его выбор: смешной и... ничей,
комментарии, а не прочтенье.

Он назначил себе – все лекарства с собой –
смеси снов на короткие ночи.
Перепад высоты и воды перебой –
это весь его выбор, короче.

В тех пластах, где хоронят еще, схоронил
ожиданье: грядет Кали-юга.
Всё, что ранит, а он до сих пор им раним,
в самый темный задвинул он угол.

...В темноту не смотри, я и сам не хочу.
Зря блестит ее черное масло.
Человек зажигает потолще свечу
и храбрится, пока не погасла...

***

Нет претензий к пейзажу, где с косами
человеки идут на войну.
Небо не нависает вопросами
ненавистными... гонит волну.
Крупность капель в их нервном движении,
понимая – маневр или план...
В этом, внешнем всего продолжении –
слишком ясно всё людям с полян.
В бой стекаются голые, бóсье,
напрягая богов в небесах
даже больше – немymi вопросами,
расшатав весь пейзаж на слонах
слой за слоем – пока не понравится
поле боя, густеющий лес...
Слой за слоем, с которым не справиться,
если только не вывернуть весь.

***

В снег – ни с того ни с сего –
сигануть. И охрипнув –
чревовещать изнутри снегов,
зимую, как хиппи.

Хлопья на завтрак и на обед.
Дали молчания мы обет,
но звонкими голосами –
души поют из капель воды,
застывших по хвостик самый.

Зима и осень. Зима опять
пришла ненадежным снегом.
По волосам, с головы до пят –
стекает замерзшим небом.

***

Что кровью писáлось, учи на память,
её ведь придется смыть
с лет этих – ковриками-степями
на суровую нить.

Смыть растворителями-морями,
снегом с хлорным душком –
время с войнами и мирами,
с нитью красной в ушкó.

Струйкой света вернется с неба
цвета стеклянно-синего?..
Но и зимою не выпросить снега
у духа, отца, и сына его.

Так что же гребем совковой лопатой,
вдавливаем ступнями,
что неподъемной взимает платой,
выученное на память?..

***

Жди, пока спустится
с высоты искусства
на уровень ширпотреба.
А ты думал, мы не связаны:
я – в глубине своих мыслей
и ты – идущий по улице.

Впиваясь друг в друга,
как раненые,
не понимая, кто предал.
Ты ещё сомневаешься,
что не с тебя началось? –
Началось!..

***

Годов, оставленные круги,
не знаю сколько, пока живой...
На них написано: береги
себя до следующей мировой.

И надо сразу сказать: люблю!
Созреть, собою оставшись горд.
Отбросив время (какой-то глюк),
оно приходит не первый год –

пока придет, чтоб могилы рыть
в слоях, где даже и смерти нет.
И надо всем слышен рваный ритм,
сведённый к крику: *да будет свет!*

***

Тени неба скользят по лицу.
И царапает утренним снегом
страх забытой вины – по отцу,
а по сыну – согласие с небом.

Я иду – нет, застрял посреди
жизни-смерти, забытого слова.
Невесомые видя следы,
вспоминая чьи снова и снова.

Мой черед и любить и спасать,
быть живым и убитым героем.
Очень важное людям сказать,
не сбиваясь на что-то другое.

И дорогой – добра или зла
до развилки: *идите-идёте* –
я иду, и да будет светла
чистым светом без ложечки дегтя.

***

Тьма блестит. Лечу поближе к небу,
чуть ли не касаясь снежных искр –
вот оно... – По сумрачному снегу,
изменяя выбранный регистр,
ты скажи, кто жив – по следу порознь,
следу ввысь, и чей не виден след...
Тенью проскользну, сквознячной спорой,
в темноту подмешивая свет.
Темнота шуршит – сухой пергамент
крошится бессовестно зимой.
Снег блестит, нетронутый шагами,
пробирает жгущей белизной.

***

Даже и кофе не остывает.
Хочется вывалиться в окно.
Там же не мокрая мостовая –
люди, идущие из кино.
И целиком не выходят из фильма
но помогают тело поднять.
Кажется, в здании сверху юрфирма.
И выпадения строго по дням –
непредсказуемы. Нет, чтобы в дверку...
Так бы любой мог, и вышло бы зря.
Чем занимаются эти там, сверху,
переработкой какого сырья?..
Чем они заняты эти придурки:
курят, пьют кофе, смотрят в окно?
На части тела похожи окурки
в лужах кофейных, ещё вот одно –
кажется, я это выпал, но тут же
съемкой обратной – вверх семь этажей.
Кофе горячий стоит, не остужен,
сколько бы дней не прошло, сколько б дней...

***

Были и мы богами, на то ведь и боги –
гнать чтобы волны в небо перед собой.
Посередине мира, в конце дороги
ветер стрижет, но дыбом встает прибой.

Из берегов вода, отменяя русло
жизни текущей. И не закрутишь кран.
Долгие годы казалось смешно и грустно –
было прекрасно! – О том молчит океан.

Так и закончился рай. Ни программ, ни кода
ты не запомнила. Не отыскала в саду
ключ: то ли в яблоке битом – от выхода-входа,
то ли меж бедер – там не было места стыду.

Время вспоролу природу и не пощадило
нас, сумасшедших сейчас и нормальных тогда.
Вот я на воду кричу: «Ты куда уходила...»
Ты, перекрикнув: «Еще раз уйду навсегда...»

***

Человек обращается к небу.
О любви ему негде прочесть.
Чистый лист он, бесхитростный ребус,
но загадка какая-то есть.

Он нелеп, как нелепа реальность.
Глуп, как жизнь, но по-своему глуп.
Украшает пейзаж пасторальный
чистым вымыслом, двигаясь вглубь.

Крик внутри его – громче не вырос,
слаб ладони прозрачный хлопок.
Исказит его домыслов вирус
или отредактирует бог.

Он же небо не сильно разгневал,
накалив облака до бела –
отделили чтоб зерна от плевел
и любовь от всего, чем была.

Стоп, машина, которой убили,
донося запоздалую весть:
что любили, любили, любили...
Только это в нем было и есть.

***

Свежезамороженною рыбой,
по железным разложив тазам,
продают нас. В небо как не прыгай,
ярким светом лед бьет по глазам.

Снега пыль, теплеет старый пепел
в воздухе до минус сорока.
Сколько жизней – на леса и степи,
а смертей – бегущая строка.

Мы давно не рыбы, и не птицы,
и... не люди – в жутком хоре жвал.
И когда растает лёд на лицах –
всех узнаем, кто нас убивал.

Но мертвы... И оживем все вместе,
если пепел долго ворошить.
Не найти в душе живого места,
содранную кожу не пришить;

Вырванное из сердец, не вставить:
так и было... Не было так! – Рты
немотой залиты. Только травы
распрямят разбитые хребты.

Мы не оживем... И смерти клещи
не ослабим договором с ней:
что не мы, а нас... И жвал похлеще,
снега хруст как вымерзших костей.

***

Видишь сквозь зиму след
жизни последней части.
Сходят остатки лет,
сорванные как пластырь.

Чувствуешь: чуть нагрет
жирной земли участок.
Выкопанный рассвет
смерти последней части

***

Головою ближе к изголовью,
а ногами к солнцу и окну –
там торгует день своей любовью
и играет в мир или войну.

Стены серы с отблесками цвета.
Тень – одна печальнее другой –
сделав шаг в окно, всплакнет фальцетом,
оттолкнется от меня ногой.

Шкаф в углу с расстроенной посудой,
полки крúгом – с книгами и без.
Тянет справа, из угла, простудой,
и опять стена, чтоб лез и лез;

И окно опять, что солнце ловит,
скользкой накатившее волной.
Вжаться без остатка в изголовье,
пусть лучи охотятся за мной.

***

Ждет ли результатов жизнь-экспресс?..
Скоро, скоро налетит на город
снег-песок – тысячелетний пресс –
выжмет красоту до плоских горок.

Люди камни: их сердца тверды,
и во взглядах четкая граница.
Время кляпом вставлено во рты,
тень его размазана по лицам.

Снгом мы закутались до глаз.
Мир развернут общею могилой.
Умерли мы все не в этот раз.
В этот раз нас время отмолило.

***

Взываю к ветру и воде,
огню, земле, и древней крови,
во мне смешавшихся – вот где
свобода – ничего нет кроме.

Жизнь на широких лопастях,
не разделенная на время –
пусть не внушает стойкий страх,
не насмехается над всеми.

Срывает с плодородных мест,
боль гарантирует нам ту же –
то истинное, что в нас есть –
что рвётся с каждым сном наружу.

***

Расслабься утиной охотой,
развитием скользких учений.
Дела мои одинокие –
оставь мне без разночтений.
И неширокому кругу
болтать обо мне – не думай.
Ему – о поисках юга
и выходу к северным дюнам;
О волнах поющих, усталых,
о дышащих реках через –
известняковые скалы,
лилово-розовый вереск.

***

Жизнь мерить одинокой темнотою
и высотой снежного покрова.
Поблескивая мерзлую воду,
луч ледяной собьет горячку крови.

Светает... Греки шли не за Еленой –
не дома же им гнить в мечтах под лавром –
когда всего так много во Вселенной
и невозможно ошибиться в главном.

Луч – палочкой изломаной в стакане –
и ни весны еще, ни аллергии.
А голуби гурчат во вражьем стане –
ведут в Аид намеренья благие.

Мы тоже часа ждем и не дождемся.
Прошел он мимо, не приметив нас там.
Мельчаем в ожиданье, поддаемся,
зима сурова, время жестче наста.

Не даст опять ни форы, ни поблажки.
Совпав с ним заодно, собой не станем.
И снег – заиндевшая рубашка
на так и не смирившемся титане.

***

К морю или к волнам ремарки,
кораблям и упрямым грекам;
К солнцу, что очертило ярко
тень мою под густым орехом?..

Спи – божественный шепчет желудь.
Время облюбовало скольких.
Полог воздуха – не тяжелый,
отвернешь – полетят заколки.

И вдогонку уплывших – дымка.
Запах горечи у варенья.
В доме женщина-невидимка
варит с первого дня творенья.

Став над каждым, ничто не мелочь,
возвращения ждет... дождется.
С морем счеты сведя, (имелись) –
мы вернемся и смысл найдется

***

Спеть не могу, но в голове звучит.
А вьющиеся волосы – для ветра –
в них бисер капель. Дождь слова мельчит,
сбивая с толку. Все слова – проверка
мелодии... Передаёт привет
мне новый день, чтоб заново родиться.
И дождь эмпат, и ветер экстраверт.
И хорошо бы с музыкой сродниться,
распутывая муки головы,
что не синхронизированы ритмом
любви и жизни, жизни и любви –
звучащим чисто в космосе открытом.

***

Главное: до рассвета успеть уснуть.
Сны – это просто тени:
пересекают комнату или путь...
(Столько песка и терний –
в жажде коснуться, в жажде глотнуть любви...)
... В небо стремятся... Там у богов всё сложно.
Но и у нас не просто: идем на «вы»,
бьемся о «невозможно».

Чьи это тени? – Стерто по потолку
встали и пали, пересекая время...
(Остановились, выгнутые в строку,
будто спиною зверя).
...Капает солнце воском на грудь песка.
Слушаем речь воды с хрипотцою веток.
Но запечатав время, не расплескать,
и не восстать героем ни тьмы, ни света.

ДИПТИХ

1.

Но без вины строка –
колется, как игла.
Буквами из стекла –
режет и бровь, и глаз.

Вспомнить и не забыть –
речи стальную нить.
Вот они: кровь и кость.

В тысячу сшитых кож –
небо глядит насквозь.

Ночь в миллион очей –
лунный достанет нож.

Видно до мелочей –
с той стороны. Похож –
сам на себя в крови –
строки старик кроит.

2.

С соломинкою во рту,
кислинкою на губах –
время во всю широту –
в прошлом – на всех парах.

Солнце – глаза в глаза.
Ветка – то свет, то тень.
Так и играем за –
время – то с тем, то с тем.

Так и играем *на* –
время – идет на спад.
И никакого сна,
невыносимо спать.

Ну, а пока еще –
детство в душе, в окне.
Солнца неравный счет
с тенью. Претензий к ней –

больше, чем к самому
мальчику одному –
он с травинкой во рту
не смотрит в сторону ту.

***

Не по всем направлениям рай или ад.
Здесь не западный фронт, не восточный...
Перемены – той маленькой порцией яд,
что рукою дозирован точной.

Только фронт, что внутри. Атмосферный покой
беспокоят то ливень, то грозы.
И блуждающий ветер – случайный герой –
подносящий помятые розы.

Ясен ум, в лучшей форме уже не дожить
до конца, несмотря на поломки.
Хорошо время палкой с гвоздём ворошить,
разжигая глазами соломку.

Не расколется небо. Не рухнет стена.
Не блеснут даже лунной дорожкой –
справа рай, слева рай – вся дорога темна.
Горкой сложены ножки да рожки.

***

Я бы оставил тебя у тьмы.
Ну, а потом бы у тьмы украл,
чтобы охотилась за людьми
где-нибудь у прибрежных скал,

не отличая двоих от всех,
всех неизвестных – от нас с тобой.
Будто по зеркалу, снизу вверх –
слезы текут – и мощней прибой.

Мы из-под неба, из-под земли,
из-под воды ледяной дуги –
выскользнем – только не разозли
тьму, давай запомнить ей нас, – беги...

***

Песка блестящие перчатки –
сдуй, море выпей в два глотка.
Пускай играют на сетчатке
мажорно волны, облака.

И ты угадываешь рыбу
по тени – мечется в тоске,
послушная воды изгибу.
...А руки мокрые в песке.

***

В тело вселится новый разум –
искушенный, а не попроще,
успевающий видеть разом –
всех, но выбрав ту птицу в роще,

что поет из лесной коробки.
Предоставлю свой круглый череп –
пусть наполнит... И мягким, робким
станет разум, как свет вечерний!

Пусть он мерою неземною
длится в птице, но остаётся –
как желанье быть не мною.
Не об этом ли ей поется?..

СОДЕРЖАНИЕ

ДИПТИХ	5
Сухость («Я иду искать...»)	5
Влажность («Если нет тебя нигде...»)	5
ПРОФИЛИ (три стихотворения)	6
1. «Осени свободное паденье...»	6
2. «Точно время навели на резкость...»	6
3. «Осень – день благодарения...»	7
Жизнь – варенье со слезами	8
Всё изменилось дико.	9
Сейчас не до оттенков серого	10
Жизнь прекрасна, как снилась	11
Меж временем, что спешит и отстает	12
Сотню, но шестидневных воен.....	13
В дом с разбитыми углами	14
День в туче лампочку включил	15
Все линии вдруг стянутся к одной	16
Дождь стучит о консервные банки машин	17
Вытянут мост из тумана	18
МАРШРУТ 69 («И дом не кажется сумасшедшим...»)	19
УГЛЫ (два стихотворения)	20
1. «Интересны лишь неровные линии...»	20
2. «Ради одного всё было слова...»	21
Вот, значит, как закончится оно?	22
Может, сдерживая крик	23
Между двух, и трех, и десятком воен	24
Зима, война.. Я заново рожденный.....	25
Не живу в провинции у моря	26
Белым подуй песочком	27
Полюби меня снова	28
К нам елочник пришел поставить елку	29
Я ли, теряющий смысл по сто раз на дню	30
Стала дорога ўже.....	31
Мы связаны тайным с тобой языком	32
За столом прощаясь, чтоб напиться	33
Как леденец, проскальзывает вниз	34
Небо в защитной сетке немного рваной.....	35
ДИПТИХ	36
1. «Человек нарушает порядок вещей...»	36
2. «Человек выбирает порядок вещей...»	37
Нет претензий к пейзажу, где с косами	38
В снег – ни с того ни с сего.....	39
Что кровью писáлось, учи на память	40
Жди, пока спустится	41
Годов, оставленные круги	42
Тени неба скользят по лицу	43
Тьма блестит. Лечу поближе к небу	44
Даже и кофе не остывает.....	45

Были и мы богами, на то ведь и боги.....	46
Человек обращается к небу.....	47
Свежезамороженною рыбой	48
Видишь сквозь зиму след.....	49
Головою ближе к изголовью	50
Ждет ли результатов жизнь-экспресс?.....	51
Взываю к ветру и воде	52
Расслабься утиной охотою	53
Жизнь мерить одинокой темнотою.....	54
К морю или к волнам ремарки	55
Спеть не могу, но в голове звучит.....	56
Главное: до рассвета успеть уснуть	57
ДИПТИХ	58
1. «Но без вины строка...»	58
2. «С соломинкою во рту...»	58
Не по всем направлениям рай или ад.....	60
Я бы оставил тебя у тьмы.	61
Песка блестящие перчатки	62
В тело вселится новый разум	63

ИЗЯСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ ВИНТЕРМАН

ТАЙНА ТАУН
Стихотворения

e-mail: slava.winterman@gmail.com

<http://www.facebook.com/slava.winterman>

<https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Винтерман>

